

Eduard Waysband

К истории русской мусической оды

(В. К. Третьяковский, А. Д. Кантемир, Г. Ф. В. Юнкер,
М. В. Ломоносов)

Вопрос о том, представляет ли собой IV ода А. Кантемира «В похвалу наук» перевод или оригинальное произведение, до сих пор остается предметом научного обсуждения. По ряду формальных признаков и итальянских следов в словоупотреблении Л. В. Пумпянский в свое время сделал предположение, что это перевод неизвестного итальянского произведения.¹ С ним не согласился З. И. Гершкович, утверждавший, что Кантемир не поместил бы перевода среди своих оригинальных произведений, не оговорив этого особо.² В свою очередь, В. Босс установил, что ода Кантемира представляет собой близкое переложение начальных строф поэмы Дж. Триссино «Италия, освобожденная от готов» (1548).³ Тем не менее К. А. Афанасьева считает, что, несмотря на итальянское влияние, ода Кантемира может считаться оригинальной.⁴ Кроме важности проблемы атрибуции стихотворения и вопроса о критериях «литературной собственности» в XVIII в.,⁵ эта дис-

© Eduard Waysband, 2014

© TSQ № 47. Winter 2014

¹ Пумпянский Л. В. Очерки по литературе первой половины XVIII в. I. Кантемир и итальянская культура // XVIII век. Сборник статей и материалов / Ред. А. С. Орлов. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 96.

² Гершкович З. И. Примечания // Кантемир А. Д. Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956. С. 465.

³ Boss V. La quatrième ode de Kantemir et «L'Italia liberata» de Giangeorgio Trissino // Cahiers du Monde russe et soviétique. Vol. 4. No. 1/2. 1963. P. 47—55.

⁴ Афанасьева К. А. На подступах к русской оде: тематика и проблематика песен А. Кантемира // Антиох Кантемир и русская литература. М.: Наследие, 1999. С. 72.

⁵ См.: Николаев С. И. Оригинальность, подражание и плагиат в представлениях русских писателей XVIII века (Очерк проблематики) // XVIII век. Сб.

куссия интересна еще тем, что по-своему переключается с тематикой оды, связанной с национально-культурным самоутверждением на фоне общей преемственности культурных ценностей.

В своей статье об оде Кантемира Л. В. Пумпянский также сделал несколько глубоких замечаний касательно ее жанрово-тематической принадлежности к одам, трактующим тему «странствия Муз».⁶ Он, однако, не привлек этот контекст для подкрепления своей точки зрения на происхождение оды, хотя рассмотрение ее жанрово-тематических характеристик в европейской и русской перспективе указывает на то, что эта ода не могла быть оригинальным произведением Кантемира. На основании этого обсуждения можно также сделать предположение, почему «щепетильный, — по замечанию Гершковича, — в вопросах авторства»⁷ Кантемир поместил эту оду среди своих оригинальных произведений.

В основе оды Кантемира лежит концепция трансляции культурных ценностей, закрепившаяся в формуле «*translatio studii*».⁸ В художественных произведениях эта концепция выражалась в рассказе о странствии какого-либо представителя символической власти (чаще всего Муз, Мудрости или их представителей) — из старого культурного центра в новый. В примечании к своей оде Кантемир приводил отрывок из диалога Лукиана «Беглецы», содержащем один из вариантов этой концепции:

Любомудрие. С самого начала не хотела пойти прямо к грекам. Пришла я вначале к индийцам, великому народу, который я, с слонов сведши, заставила меня слушать; и весь язык брахманов, смежны некреям и оксидракам, приняли мою науку. Вышедши из Индии, при-

23 / Ред. Н. Д. Кочеткова. СПб.: Наука, 2004. С. 3—6.

⁶ См.: Пумпянский Л. В. Очерки по литературе первой половины XVIII в. С. 96.

⁷ Гершкович З. И. Примечания. С. 465.

⁸ См.: Curtius E. R. *European Literature and the Latin Middle Ages*. Trans. Willard R. Trask. Princeton: Princeton University Press, 1953. P. 29; Буландин Д. М. *Translatio studii: Путь к русским Афинам // Пути и миражи русской культуры*. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 87—154.

шла я в Ефиопию и отсюда к египтянам, где я научила их священников и пророков богослужению. Потом я перешла в Вавилон, чтоб наставить халдеев и волхвов; потом в Скифию, откуда возвращался чрез Фракию, свидание имела с Евмельпом и Орфеем и послала их пред собою в Грецию, повелев первому научить греков моим тайнам, а второму наставить их в музыке. Недолго спустя я и сама за ними следовала, но по прибытии моем в Грецию приняли меня ни худо, ни изрядно, однако ж со временем я добыла себе семь мудрецов.⁹

В оде Кантемира описывается тот же маршрут с последующим прославлением новой стоянки Мудрости — Италии эпохи Возрождения.

Концепция *translatio studii* часто сочеталась с идеей переноса имперской власти, *translatio imperii*, хотя маршруты знания и власти имели различное происхождение. В истоке *translatio studii* лежала солярная метафорика движения с востока на запад¹⁰ в то время, как маршрут власти начинался с мифологического переноса идеи империи из Греции в Рим и далее в Европу. В Новое время произошла взаимная координация двух концепций *translatio* в теории о четырех великих эпохах — Греции времен Перикла, Августовского Рима, Италии правления Медичи и Франции Людовика XIV.

Кроме сюжета о странствии, концепция *translatio* могла реализовываться также метонимически в переносе имени, *translatio nominis*: новый центр или носитель политической или культурной власти сравнивался со старым и таким образом на нового представителя переносилось символическое значение старого (например, Москва — Третий Рим; Ломоносов — российский Пиндар).

Стратегия идеи *translatio* заключалась в легитимации нового культурного или политического центра посредством переноса на него символического значения старого. Этот процесс часто включал в себя своеобразное перераспределение

⁹ Кантемир А. Д. Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956. С. 206.

¹⁰ Ср. у Кантемира: «Тако внезапным лучом, когда всходит, / Солнце и гонит мрак и свет наводит» (там же. С. 201).

символической власти: переход Муз маркировал упадок старого центра и расцвет нового. В оде Кантемира это выражено с замечательной афористичностью:

Была та гибель нашего причина

Счастья <выделено мной — Э. В.>;

десница врачей щедро дала

Покров, под коим бежаща богина

Нашла отраду и уж воссияла

Европе целой луч нового света;

Врачей не умрет имя в вечны лета.¹¹

Речь идет о захвате Византии турками и бегства Мудрости в Италию. Пумпянский привлек отсылку к имени Медичи в этой строфе и в примечании к ней¹² в качестве доказательства своего предположения о том, что ода Кантемира является переводом с итальянского.¹³

В этой строфе и далее в тексте оды присутствует также другой — комплиментарный — топос произведений о странствии Муз: Дж. Триссино (бывший одно время приближенным лицом папы Льва X) и за ним Кантемир прославляют новый центр знания под властью семьи Медичи. Таким образом, ода Кантемира содержала основные элементы нарратива о *translatio studii* в приложении к итальянскому локусу.

Однако этому прославлению новой стоянки Мудрости противоречила последняя строфа оды Кантемира, где концепция *translatio studii* разрабатывалась уже на другом, не итальянском, материале:

Бездны ужасны вод преплыв, доходим

Мир, отделенный от век бесконечных.

¹¹ Там же. С. 202.

¹² См.: «Была та гибель нашего причина счастья. Взятие Константинополя причиною было, что в XV веке науки в Европе возобновились, ибо некоторые из греческих ученых людей при таком несчастии, оставя отечество свое, убежали в Италию, где приняты с особливою ласкою и щедротою от *Лоренца Медика*, названного великим и отцом наук, который тогда был начальнейшим правителем республики флорентийской и которого потомки учинились великими князьями тосканскими» (там же. С. 207).

¹³ Пумпянский Л. В. Очерки по литературе первой половины XVIII в. С. 96.

В воздух, в светила, на край неба всходим,
И путь и силу числим скоротечных
Телес, луч солнца делим в цветны части;
Чувствует тварь вся силу нашей власти.¹⁴

В этой строфе Кантемир сравнивал два величайших открытия — Нового Света Колумбом и всемирного тяготения Ньютоном.¹⁵ Жанрово-тематическое расхождение этой строфы с предыдущими объяснялось тем, что она представляла собой заимствование из Седьмого диалога книги «Ньютонианство для дам» Франческо Альгаротти, опубликованной в 1737 г. и переведенной Кантемиром на русский язык (перевод не сохранился).¹⁶ Таким образом, в соответствии с универсалистской концепцией *translatio*, но вопреки идеологической установке поэмы Дж. Триссимо последняя строфа оды Кантемира

¹⁴ Кантемир А. Д. Собрание стихотворений. С. 202.

¹⁵ В примечании к этой строфе Кантемир писал:

Ст. 85 и 86. *Бездны ужасны вод преплыв* и проч. Преплыв ужасное море океанское, доходим (или находим) Америку, новый мир, от нашего отделенный чрез многие веки; известно, что Христофор Колумбус Америку изобрел в 1492 году.

Ст. 87. *В воздух, в светила, на край неба всходим*. Помочию физики и астрономии, которые в наших веках в гораздо лучшее совершенство приведены.

Ст. 88. *И путь и силу числим скоротечных телес*. Числим дорогу и силу взаимную небесных телес, каковы суть планеты, звезды неподвижные и кометы. Новые астрономы в том дивную удачу имели, и наипаче в том преуспел англичанин Ньютон.

Ст. 89. *Луч солнца делим в цветны части*. Если в темной горнице впустить луч солнца чрез малую скважину на требочное стекло, которое обыкновенно *призмой*, а у нас *райком* называют, луч тот, преломясь, разделится на семь других лучей, из которых один фиалковый, другой пурпуровый, третий голубой, четвертый зеленый, пятый желтый, шестой рудо-желтый, седьмой красный. Сие явление первый усмотрел и исследовал вышеупомянутый знаменитый аглинский философ Ньютон (Там же. С. 208).

Это было первым описанием открытий Ньютона на русском языке.

¹⁶ См.: Boss V. La quatrième ode de Kantemir et "L'Italia liberata" de Gian-georgio Trissino. P. 55; Серман И. З. Антиох Кантемир и Франческо Альгаротти // XVIII век. Сб. 21 / Ред. Н. Д. Кочеткова. СПб.: Наука, 1999. С. 60.

воспроизводила дальнейший маршрут Мудрости из Италии на Запад.

Характерно, что означенные в последней строфе локусы стали новыми центрами просвещения, также утверждавшими собственную культурную легитимность в рамках концепции *translatio studii*. В английской классицистической поэзии развился отдельный поджанр, которой получил название «progress pieces», т. е. произведения о движении, странствии Муз в Англию.¹⁷ Американский вариант «progress pieces» получил название «poems on the rising glory of America», т. е. стихи о переносе символической власти в Америку и, как следствие, об усиливающейся славе Америки.¹⁸

Аналогичные процессы происходили и в России. Тема трансляции наук и художеств была одной из центральных в русском классицизме.¹⁹ Однако, в отличие от Англии и Америки, российские стихотворения о странствии Муз не рассматривались отдельно как образцы определенного наднационального жанрово-тематического образования. В России не выработалось и общепринятого названия для таких произведений, емко выраженное английской формулой «progress pieces».

Реконструируя научные замыслы Л. В. Пумпянского, можно предположить, что он попытался изменить эту ситуацию, когда в ряде статей 1930-х гг. сконцентрировался на изучении произведений Тредиаковского, Кантемира и Ломоносо-

¹⁷ См., напр.: Griffith R. H. Progress Pieces of the Eighteenth Century // *The Texas Review*. No. 5. 1920. P. 218—223; Swayne M. The progress piece in the Seventeenth Century // *Studies in English*. No. 16. 1936. P. 84—92; MacLean G. M. So What Does Thomas Gray's "Progress of Poesy" Have to Do with Progress? // *Postscript*. No 2. 1985. P. 67—74.

¹⁸ См., напр.: Friedman L. J. *Inventors of the Promised Land*. New York: Knopf, 1975. P. 13—17; Wertheimer E. Commencement Ceremonies: History and Identity in "The Rising Glory of America," 1771 and 1786 // *Early American Literature*. No. 29/1. 1994. P. 35—58.

¹⁹ См., напр.: Буланин Д. М. *Translatio studii: Путь к русским Афинам*. С. 113—115; Подтергега И. А. Рецепция античности в русской культуре начала XVIII века // *Русско-европейские литературные связи: XVIII век. Энциклопедический словарь. Статьи*. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. С. 260—261.

ва, в основе которых лежала концепция *translatio studii*.²⁰ Оду Кантемира «В похвалу наук» и оду Ломоносова «На день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны 1747 года», например, Пумпянский назвал «мусическими», имея в виду их принадлежность к разновидности классицистических произведений о странствии Муз.²¹ Вслед за Пумпянским этот неологизм можно использовать как русское определение общеевропейского одического поджанра. Более того, по аналогии с традицией английских «progress pieces» или «poems on the rising glory of America», прослеживаемой вплоть до произведений XX в., можно говорить о сходной традиции мусической поэзии в России, в основе которой лежала идея *translatio studii*.²² Пумпянский заложил основы изучения русской мусической оды в широком европейском контексте. Остались, однако, неосвещенными индивидуальные переосмысления жанровых характеристик мусической оды и возможный диалог российских поэтов в рамках этого одического поджанра.²³

²⁰ См.: Пумпянский Л. В. Очерки по литературе первой половины XVIII в. // XVIII век. Сборник статей и материалов / Ред. А. С. Орлов. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 83—132; Пумпянский Л. В. Третьяковская и немецкая школа разума // Западный сборник, I / Ред. В. М. Жирмунский. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 157—186; Пумпянский Л. В. Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век. Сб. 14. Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л.: Нука, 1983. С. 3—44. Н. И. Николаев также показал значимость концепции *translatio studii* для теоретических взглядов Пумпянского на историю русской литературы; см.: Николаев Н. И. Энциклопедия гипотез // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 18.

²¹ Пумпянский Л. В. Очерки по литературе первой половины XVIII в. С. 96—97.

²² О нескольких эпизодах переосмысления этой идеи в русской художественной мысли и поэзии первой четверти XX-го века, см.: Вайсбанд Э. «*Translatio Studii*», Орфей и поэзия революции // Европа в России / Ред. П. Песонен, Г. Обатнин, Т. Хуттунен. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 312—340.

²³ Такое изолированное изучение русских мусических од может служить частным примером метода Пумпянского, который позволил Н. Ю. Алексеевой поставить под сомнение его принадлежность к исторической поэтике; см.: Алексеева Н. Ю. Итоги и проблемы изучения литературного наследия М. В. Ломоносова // Чтения отдела русской литературы XVIII века. — Вып. 7: М. В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в рус-

Стихотворение Кантемира было одной из первых мусических од, написанных на русском языке. И здесь характерна ее промежуточная, переходная природа. Уже в качестве перевода это стихотворение воплощало в себе идею *переноса* общеевропейской идеи *translatio studii* на русскую почву. В то же время в качестве *русской* мусической оды ода Кантемира лишена основной доминанты мусического произведения: путешествие Мудрости здесь доведено до Италии, Англии и Америки, но не доведено до родины автора — России. На тематическом уровне мусическая ода Кантемира не отвечала одному из основных критериев этого поджанра, определяемого стратегией культурного патриотизма. Уже это жанрово-тематическое несоответствие могло указывать на то, что ода Кантемира не оригинальное произведение.

Отсутствие основного тематического элемента мусической оды в произведении Кантемира особенно явственно при сравнении ее с мусическими одами других поэтов: В. К. Тредиаковского «Эпистола от Российской поэзии к Аполлину» (ода включена в его трактат «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», 1735), и М. В. Ломоносова «На день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны 1747 года», декларативно разрабатывающими концепцию *translatio studii* на русской почве.

По аналогии с известным состязанием Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова в переводе 143-го псалма²⁴ можно говорить о своеобразном состязании Тредиаковского, Кантемира и Ломоносова в написании русской мусической оды, т. е. в попытке выразить центральную для европейского классицизма концепцию *translatio studii* в зарождающемся жанре русской оды. Применительно к одам Тредиаковского и Кантемира, созданным предположительно в одни и те же годы, это сравнение оставалось бы только типологическим, если бы не

ской литературе XVIII века / Отв. ред. А. А. Костин, А. О. Дёмин. М., СПб.: Альянс-Архео, 2013. С. 12—13.

²⁴ См.: Гуковский Г. А. К вопросу о русском классицизме (Состязания и переводы) // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века / Ред. В. М. Живов. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 253—255; Шишкин А. Б. Поэтическое состязание Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова // XVIII век. Сб. 14. Л.: Наука, 1983. С. 232—246.

существовала вероятность того, что завершающую строфу своей оды Кантемир написал, уже ознакомившись с «Эпистолой» Тредиаковского. Считается, что свои четыре оды Кантемир написал в 1735—1736 гг.²⁵ Но, как уже говорилось, последнюю строфу IV-ой оды Кантемир написал после знакомства с книгой Альгаротти и во время ее перевода, примерно между 1737 и 1739 гг.²⁶ Кантемир прочитал «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», включавший «Эпистолу от российской поэзии к Аполлину», между 1738 и 1740 гг.²⁷ Таким образом, хронологические рамки знакомства Кантемира с мусической одой Тредиаковского и дописывания собственной оды пересекаются. Литературная и психологическая вероятность отклика Кантемира на оду Тредиаковского весьма велика. Как известно, изучение Кантемиром «Нового и краткого способа» вызвало написание «Письма Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских» и попытку реформирования собственной силлабической системы.²⁸ Можно предположить, что пример такого программного осуществления идеи *translatio studii* в русской оде, как «Эпистола» Тредиаковского, стимулировал возвращение Кантемира к собственной оде в попытке модернизировать мусическую тему за рамками итальянского Ренессанса. Однако, несмотря на возможное влияние оды Тредиаковского, Кантемир, условно говоря, останавливается на полпути, не реализуя концепцию *translatio* в применении к России на тематическом уровне. Но, как будет показано далее, эту концепцию Кантемир воплотил иначе.

В случае Тредиаковского и Ломоносова известно, с каким ревнивым интересом Ломоносов читал «Новый и краткий

²⁵ См.: Николаев С. И. Кантемир Антиох Дмитриевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. (К—П). СПб.: Наука, 1999. С. 20.

²⁶ См.: Boss V. La quatrième ode de Kantemir et "L'Italia liberata" de Giangeorgio Trissino. P. 55; Boss V. Newton and Russia: The Early Influence, 1698—1796. Cambridge: Harvard University Press, 1972. P. 125; Серман И. З. Антиох Кантемир и Франческо Альгаротти. С. 58, 60.

²⁷ См.: Гершкович З. И. Комментарии. С. 523.

²⁸ См.: Там же. С. 522; Silbajoris R. Russian Versification. The Theories of Trediakovskij, Lomonosov, and Kantemir. New York: Columbia University Press, 1968. P. 27—29, 78.

способ», оставляя на нем неллицеприятные замечания.²⁹ Возможно, что и разработка мусической темы Ломоносова оттачивалась отчасти от «Эпистолы» Тредиаковского. Если у Тредиаковского в «приглашении» Аполлона обозначена дистанция между классическим наследием и Россией, то ломоносовская ода стремится преодолеть эту дистанцию, призывая, по выражению Ломоносова, «природных россиян»³⁰ занять места приглашенных из-за границы культуртрегеров. Но, как известно, основным претекстом мусической оды Ломоносова была ода петербургского академика Г. Ф. В. Юнкера, написанная в 1742 г. по случаю коронации Елизаветы и переведенная в том же году М. В. Ломоносовым.³¹

Эту оду Юнкера также можно отнести к первым русским мусическим одам.³² Ее функционирование в культуре зеркально переключается с парадоксальным характером оды Кантемира. Если русская мусическая ода Кантемира воспевала итальянский Ренессанс и последующее продвижение Мудрости на Запад, то немецкая ода Юнкера воспевала приобщение России к союзу Муз. Как и в случае Кантемира, инокультурная природа оды Юнкера диктовала своеобразие ее интерпретации мусической темы. Две оды связывает редукция национального самосознания и перенос акцента на корпоративные ценности космополитических представителей концепции *translatio studii*.

Всем обсуждаемым здесь одам присущ ряд общих типологических черт, краткое обозначение которых способствует лучшему пониманию как самих этих од, так и других стихо-

²⁹ См.: Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. М., Л.: Изд-во Академии Наук СССР. 1936. С. 54—63.

³⁰ См.: Ломоносов М. В. Записка о необходимости преобразования Академии Наук // Полное собрание сочинений. Т. 10. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 52.

³¹ См.: Пумпянский Л. В. Ломоносов и немецкая школа разума. С. 22.

³² Как обнаружил Л. В. Пумпянский, мусическая тема в применении к России прозвучала уже в оде Юнкера новому президенту Академии Наук Кайзерлингу в 1731 г. Здесь мусическая тема соединена с прославлением Анны: «Wird einst ihre weite Wohnung in der Anna Nordreich seyn» («Станет отныне их <Муз> дальнейшей обителью северное царство Анны»; см.: Там же. С. 34). Возможно, это соединение мусической и комплиментарной тем повлияло затем на «Эпистолу» Тредиаковского (см. ниже).

творений, исследование которых в рамках мусической парадигмы еще предстоит. Одическая неразрывность идей поэзии и государственности³³ в этих одах тематизируется на основе соединения концепций *translatio studii* и *translatio imperii*. Как было показано, в оде Кантемира такое соединение совершается на медийском материале. В оде Тредиаковского приглашение Аполлона русской поэзией довольно механистично мотивируется одической комплиментарной формулой:

Больше но теперь в тебе нужды я имею,
Тем и нудить больше тя, чтоб спешить к нам, смею.
Анну даровал нам бог ныне коль велику.
Нельзя без твоей воспеть гарфы то мне зыку.³⁴

Далее Анне при помощи *translatio nominis* создается имперская родословная:

Но как слабой мне во всем ону описати?
Об Августе таковой лучше бы молчати
И Вергилиевой здесь быть всегда имело;
Сам и ты бы, Аполлин, был не скор на дело.³⁵

В одах Юнкера и Ломоносова тема наук взаимосвязана с прославлением Елизаветы.

На примере оды Кантемира уже был показан входящий в концепцию *translatio* элемент перераспределения символической власти. В одах Тредиаковского и Юнкера этот элемент, выражающий культурное самоутверждение за счет других центров культурной власти, элиминирован. Культурное самоутверждение здесь проецируется на историю русской поэзии (Тредиаковский) и геополитическую перспективу (Юнкер)

³³ См.: Пумпянский Л. В. Об оде А. Пушкина «Памятник» // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 198.

³⁴ Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М.—Л.: Советский писатель, 1963. С. 394.

³⁵ Там же. С. 394—395. В дальнейшем подобные августовские ассоциации станут особенно популярны в правление Екатерины II (см.: Проскурина В. Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 42—48).

в оппозициях «старое — новое» и «тирания — монархия». В оде Тредиаковского это противопоставление «новой» поэзии «старой»: «Старый показался стих мне весьма не годен, / Для того что слуху тот весь был не угоден».³⁶ При этом нужно обратить внимание на своеобразие трактовки мусической темы в «Эпистоле» Тредиаковского. Пумпянский отметил влияние на Тредиаковского схемы Кенига о «развитии хорошего вкуса» в Европе. Схема эта отображала немецкий вариант мусического сюжета. За развитием «хорошего вкуса» в античности и его гибели, принесенной северными народами, последовало его возрождение в Италии XV в. и последующее распространение вплоть до Германии в то время, как саму Италию охватила «чума маринизма».³⁷ В «Эпистоле» Тредиаковского построение поэтического канона от античности до современности лишено этого поступательного драматизма, тематизирующего перераспределение символической власти. По-видимому, он пытался соединить в «Эпистоле» два маршрута *translatio studii* — из античности в Европу и из Индии на запад, обозначенный у Лукиана. Традиционно описав античных и европейских поэтов, Тредиаковский неожиданно продолжает:

Научивши ты сестру толь мою немецку,
Научить не позабыл также и турецку,
И персидску, и какой хвалится Индия,
И в арапской что земле мудра поэзия.³⁸

Экстраполированное в эстетическую область такое соединение двух мусических маршрутов по сути подрывало нормативность античного наследия, которое вводил Тредиаковский в Россию. Соположение общепринятой антично-европейской поэтической традиции с «экзотическими» поэзиями по-своему отражало, с одной стороны, энциклопедичность сознания

³⁶ Тредиаковский В. К. Избранные произведения. С. 393.

³⁷ См.: Пумпянский Л. В. Тредиаковский и немецкая школа разума. С. 172. Пумпянский здесь цитирует труд И. У. Кенига «*Untersuchung von dem guten Geschmack in der Dicht- und Redekunst*», приложенный к его изданию Каница «*Des Freyherrn von Canitz Gedichte*» (1727).

³⁸ Тредиаковский В. К. Избранные произведения. С. 393.

Тредиаковского, с другой, увеличивающуюся с середины 1730-х гг. значимость для него своеобразие русской идентичности.³⁹

В оде Юнкера покровительство наукам обусловлено формой правления в государстве с подспудным указанием на благотворность для державного престижа такого покровительства:

Кто им <наукам> добро чинит, воздать те могут все,
И делом кажет нам их свет лице свое.
Художеств разных плод обильный в тьмах являют,
Чрез прибыль славную своих обогащают.
Тираннам мерски те: они враги себе.
Монархи любят их подобные Тебе.
Когда спокойно их хранит кака держава,
Бывают щастье стран, корон краса и слава.⁴⁰

Юнкер сравнивает российскую императрицу с ее тезкой английской королевой Елизаветой. Идентичность имен проецируется на сходство культурно-политических программ двух царствующих особ. Вместе с тем в сравнении Елизаветы российской с Елизаветой английской имплицитно содержится мотив перехода знания из одного культурного центра в другой:

Подобна Ты во всем Британ Елисавете,
Славне что разумом была, неж бранью в свете,
Ввела науки все, Британ хвалу взнесла,
Богатства и ума довольно им дала.⁴¹

Однако сравнение Елизаветы английской и Елизаветы российской здесь нейтрально. Акцент в оде Юнкера перенесен на

³⁹ См.: Клейн И. Реформа стиха Тредиаковского в культурно-историческом контексте // Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 249—250. Возможно, трактовка мусической темы Тредиаковским имела какой-то пока не выявленный интертекстуальный источник.

⁴⁰ Юнкер Г. Ф. В. Венчанная Надежда Российской империи... // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 8. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 77.

⁴¹ Там же. С. 76.

апологию трансляции знания как такового, олицетворением которой выступали приезжие немецкие академики.

Наиболее программно перераспределение символической власти заявлено в ломоносовской оде, где новая стоянка Муз, пусть в сослагательном наклонении, но превосходит бывшую: «Ах, если б жизнь Ее <Екатерины> продлилась, / Давно б Секвана постыдилась / С своим искусством пред Невой!». ⁴² Иными словами, если бы Екатерина I была жива, то Российская академия давно бы затмила Французскую, по образцу которой она была создана.

Далее в разработке мусической темы у Ломоносова доминирует необходимость переноса символической власти с иностранцев на сынов России. Интертекстуально это выражается в полемическом использовании мотивов из оды Юнкера. ⁴³ Одновременно такая трактовка концепции *translatio* выражала жизненные и профессиональные устремления Ломоносова. В этом преломлении мусической темы можно видеть отказ от классицистического универсализма в пользу русского национального самосознания. В своей оде эту задачу Ломоносов осуществлял в несколько этапов, по-своему используя мусические топосы. Прежде всего, традиционное приглашение Муз (или их представителей) он адресует «природным россиянам»:

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О ваши дни благословенны!⁴⁴

В этой определительной придаточной конструкции с последовательным подчинением на ожидаемых русских представителей наук переносятся качества приглашенных иностранцев. В пандан к этой синтаксической реализации идеи *translatio*

⁴² Ломоносов М. В. Ода на день восшествия на Всероссийский престол... // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 8. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 201.

⁴³ См.: Пумпянский Л. В. Ломоносов и немецкая школа разума. С. 33—34.

⁴⁴ Ломоносов М. В. Ода на день восшествия на Всероссийский престол... С. 206.

далее в строфе Ломоносов использует известный прием *translatio nominis*:

Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля раждать.⁴⁵

Здесь в свернутом виде воспроизводится идея *translatio studii* — из античного мира (Платон), через Европу (Ньютон) в Россию. Упоминанием Ньютона Ломоносов невольно продолжил эстафету идеи *translatio* с точки, на которой остановился Кантемир.⁴⁶ Наконец, следующая известная строфа («Науки юношей питают...») реализует идею *translatio* интертекстуально, воспроизводя отрывок из «Речи в защиту поэта Авла Лициния Архия» Цицерона. Можно сказать, что вместо традиционного пространственного разворачивания сюжета о странствии Муз Ломоносов проецирует концепцию *translatio* на вертикаль поэтического текста от синтаксического уровня до метапоэтических заявлений.

Для автора мусического произведения прославление нового центра власти сочеталось с утверждением себя в качестве носителя или транслятора этой власти. Его культурная деятельность осознавались как индивидуальная реализация концепции *translatio studii*. Все рассматриваемые здесь оды в качестве авторских метапоэтических деклараций отражали этот синергический процесс между культурной традицией и социокультурными амбициями автора.

Обращение к теме *translatio* маркировало выход на металитературный уровень, маршрут муз очерчивал литературную генеалогию автора и одновременно определял его творческие задачи. Л. В. Пумпянский, например, показал, как в «Эпистоле» Тредиаковского перечисленные античные и европейские авторы представляли его литературную ориентацию

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ IV ода Кантемира впервые была опубликована только в 1762 г. (см.: Гершкович. Примечания. С. 465), так что Ломоносов во время написания своей оды, скорее всего, ее не знал.

и литературные задачи.⁴⁷ Мусическая тема одновременно ретроспективна и перспективна: стихотворение о странствии Муз в Россию осуществляло концепцию *translatio*, приобщая русскую поэзию к общеевропейскому союзу Муз. В этом отношении можно говорить об усилении в мусическом произведении перформативной функции: сказанное соответствовало сделанному. Перформативность эта, как в оде Ломоносова, часто выражалась в попытке реализации концепции *translatio* на разных уровнях поэтического текста. Сходным образом в «Эпистоле» Тредиаковского ориентированное метрически и синтаксически на античные и европейские образцы приглашение Аполлона в Россию одновременно превращалось в определение и осуществление новых принципов русской поэзии:

Но приди и нашу здесь посетить Россию,
Так же и распространи в ней мя, поэзию:
Встретить должно я тебя всячески потщуся,
И в приличный мне убор светло наряжуся;
С приветственным пред тебя и стихом предстану,
Новых мер в стопах, не числ, поздравлять тем стану.
Новых! поистине так, хоть бы ты дивился,
И подобен такову, кто не верит, зрися:
Старый показался стих мне весьма не годен,
Для того что слуху тот весь был не угоден;
В сей падение, в сей звон стопу чрез приятну,
И цезуру в сей внесла, долготою знатну.
Старым токмо я числом стих определила,
Стопы двосложны затем в новый сей вложила;
Стопы, обегая в них трудность всю афинску,
И в количестве стихов такожде латинску;
Тоническу долготу токмо давши слогу,
Так до рифмы стих веду гладку чрез дорогу;
Выгнав мерзкий перенос и всё, что порочно,
То оставила стиху, что ему есть точно.⁴⁸

⁴⁷ Пумпянский А. В. Тредиаковский и немецкая школа разума. С. 157—186.

⁴⁸ Тредиаковский В. К. Избранные произведения. С. 393.

Соответственно, мусическая ода Тредиаковского одновременно и описывала, и реализовывала новые принципы поэтики, позволяющие включить Россию в общемировой союз Муз.

Возвращаясь к кантемировской оде, можно сказать, что ее перформативный аспект выражался в самом акте перевода произведения о *translatio* на русский язык. Приводимый ниже отрывок из написанного в последние годы жизни предисловия к переводу Юстина свидетельствует, что Кантемир рассматривал свою переводческую деятельность как реализацию идеи *translatio*: «Оные <науки> неинако из Египта в Грецию, от Греков к Римлянам, от Римлян в Италию, в Англию, в Германию и во Францию переселились. Все те народы одного книги переводили, от чего не только знание наук и художеств размножилось, но и язык их обогащен многими новыми словами».⁴⁹ Осуществлением перформативного принципа мусического произведения в самом переводном характере оды «В похвалу наук» в какой-то степени, возможно, объясняется отсутствие концепции *translatio* в применении к России в тексте оды на тематическом уровне. Кроме того, концепция *translatio* в применении к России заявлена также в примечании к вышеприведенной строфе («Была та гибель нашего причина...»):

*И уж воссияла Европе целой. Когда в Италии науки уже завелися, то помалу и в прочих европейских народах — во Францию, Германию, Англию, даже и до северных краев — распространились.*⁵⁰

Вероятнее всего, под «северными краями» Кантемир имел в виду Россию и таким метатекстуальным способом вводил ее в ряд стран, присоединившихся к союзу Муз. Возможно, что Кантемир не обнаружил переводной характер этого стихотворения (смутив тем самым своих будущих комментаторов), также исходя из мусической установки: «авторизация» оды ратифицировала акт усвоения русской поэзией идеи *translatio*.

⁴⁹ Дружинин В. Три неизвестные произведения князя Антиоха Кантемира // Журнал Министерства народного просвещения. № 12. 1887. С. 4.

⁵⁰ Кантемир. Собрание стихотворений. С. 207.